

Хорошевская Юлия Павловна

**МИФИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ЕГО МОДЕЛИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

В статье анализируется мифическая модель времени в дихотомии сакральное время / эмпирическое время, отмечаются основные характеристики темпоральных представлений в структуре мифологического сознания с точки зрения ведущих теоретиков. Основные модели мифического времени рассматриваются на материале произведений современной зарубежной фантастической литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/60.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. I. С. 211-214. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.091

Филологические науки

В статье анализируется мифическая модель времени в дихотомии сакральное время / эмпирическое время, отмечаются основные характеристики темпоральных представлений в структуре мифологического сознания с точки зрения ведущих теоретиков. Основные модели мифического времени рассматриваются на материале произведений современной зарубежной фантастической литературы.

Ключевые слова и фразы: мифическое время; эмпирическое время; дихотомия; цикличность; сакральность; мифическая реальность.

Хорошевская Юлия Павловна

Южный федеральный университет

armaiti@inbox.ru

**МИФИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ЕГО МОДЕЛИ В ПРОСТРАНСТВЕ
СОВРЕМЕННОЙ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

Время мифа означает, что все события, случающиеся в жизни индивида, так или иначе, происходят всегда и со всеми.

Основной принцип всякой мифологии состоит в том, что некий, даже абсолютный, конец заключает в себе неизбежное начало. В дихотомии «начальное сакральное время / эмпирическое время» именно мифическое время представляется сферой первопричин последующих действительных эмпирических событий.

Мифическая модель времени как дихотомия «начальное сакральное время / эмпирическое время» изначально имеет линейный характер, но она постепенно дополняется другой, перерастает в *циклическую модель*. Этому способствует ритуализация событий мифического прошлого, а также соблюдение календарных обрядов. Такая модель времени вызывает возникновение специальных мифов о последовательной циклической смене целой цепи мировых эпох. Отсюда следует, что для превращения в подлинную историю, представление о времени должно было сначала заменить один, вечно повторяющийся круг серией циклов, эпох, следующих друг за другом и часто отделяемых мировыми катастрофами, периодическим возвращением хаоса. Пифагор, например, считал, что на свете нет ничего нового, и всё рожденное через какой-то срок вновь рождается. Глобальная история человечества представлялась как круговое движение, подобное движению небесных тел и вращению всего космоса.

Обычно космогонический цикл определяется как бесконечное повторение, как бесконечность самого мира. Каждый большой круг включает в себя меньшие циклы существования и исчезновения – погружения в сон и пробуждения, сменяющие друг друга в течение жизни. В развитых мифологических системах, изображающих вселенную как арену непрекращающейся борьбы хаоса и космоса, наряду с образом начального времени возникает представление о конечных временах, неминуемой гибели мира, подлежащего или не подлежащего циклическому обновлению. Время и история членятся на замкнутые циклы. В мифологическом сознании существует только настоящее, однако чрезвычайно ёмкое: в настоящем повторяется прошлое, в будущем – настоящее. По словам Хюбнера, мифическое время не является той средой, в которой происходят события, а само время и его содержание не образуют непрерывного единства. По этой же причине мифические объекты не находятся в определенной точке времени этой среды, а показывают сами по себе лишь определенную последовательность событий. Мифическое время, таким образом, является «не одномерным, а многомерным, так как состоит из профанного и священного» [12, с. 142].

В наиболее полном виде концепция циклического развития времени представлена в работах М. Элиаде [13]. Сакральное время, как он отмечает, не течет непрерывно, без разрывов из прошлого в будущее, а состоит из независимых друг от друга временных пластов. Прошлое, настоящее и будущее рассматриваются носителем мифического сознания не в диахроническом плане, а в рамках единой циклической модели мифологического времени. В силу этого восприятия прошлое может непрерывно возрождаться в настоящем, являясь при этом и предопределением будущего. Таким образом, согласно Элиаде, циклическая модель времени характерна для сакральных темпоральных представлений, а профанное время воспринимается линейно. Если же время циклично, и прошлое повторяется, то и будущее есть не что иное, как прошедшее, возобновляющееся в настоящем. В образах мифа вселенная выходит из вечности и пребывает в вечности, в которой она должна, растворившись, исчезнуть.

Английский мифолог Э. Лич предложил несколько иной, нежели круг или цикл, образ архаического чувства времени – *маятник*, представляющий собой качание между двумя полюсами: ночью и днем, жизнью и смертью. Можно добавить к этому и пару «старое» (мифическое) и «новое» (эмпирическое) время. Таким образом, получается, что в самых первых представлениях о времени и истории присутствует что-то вроде линейности, хотя и очень условной, легко переходящей в цикличность, как, например, в индуистской мифологии, где дихотомия «жизнь / смерть» преобразована в сансарическую цепь смертей и рождений, образующую колесо дхармы. Этимологизм мифологического повествования, как его существенная характеристика, также подразумевает некую линейность: мифическое прошлое есть «причина» ныне существующих вещей, людей и положений, а значит, из прошлого в настоящее направлен некий вектор [8, с. 620].

События мифической эпохи непосредственно воспроизводятся в ритуалах и ритуализированных снах. Мифическое прошлое фактически экстемпорально и представляет собой некую *мифическую реальность*, как-то сосуществующую с эмпирической реальностью обыденной жизни на том же синхроническом уровне. Сакральное действие именно так и соотносится с профанным бытом. По словам Мелетинского: «представление о времени как о некоем “колебании” между полусами или о природном цикле в собственно первобытной мифологии подчинено дихотомии творческого далекого прошлого и неподвижного настоящего; хотя сама эта неподвижность при ближайшем рассмотрении может восприниматься как некое по-своему организованное “топтанье” или “кружение”» [7, с. 176]. А. Ф. Лосев пишет, что «мифологическое время для всякой мифологии времени и пространства предполагает принцип наличия всего во всем». Для него характерны: «Всеобщая взаимопревращаемость вещей внутри замкнутого космоса, необходимая ввиду того, что здесь всякая единичность содержит в себе любую обобщенность и наоборот» [6, с. 33]. Другой исследователь, Р. В. Светлов, в своей работе называет основными характеристиками мифологического восприятия времени: «представление об одновременности всех событий в мире, т.е. восприятие временной среды как покоящейся длительности», «представление о локализации прошлого и будущего», «скорее в пространственном, чем в темпоральном (как мы понимаем его сейчас) смысле» [9, с. 6]. Станислав Лем отмечал, что миф одновременно статичен и динамичен, а время в нем – не вектор, направленный из прошлого в будущее и необратимый, но круговращение. События, которые случаются во времени, представляются в мифе как бы происходящими вне времени, потому что их передача от поколения к поколению – это непрерывная актуализация, и над ней не имеют никакой власти естественные процессы изменения и старения. Миф происходит в вечности – следовательно, всегда, – и ничто в нем не может быть изменено» [5, с. 656-657].

Стивен Хокинг в своей книге «Кратчайшая история времени» [11] обращает внимание на то, что до 1915 года пространство и время мыслились наукой как арена, на которой разворачиваются события, никак ее саму не затрагивающие. Тела двигались, силы притягивали или отталкивали, никак не затрагивая времени и пространства, которые просто длились. Казалось естественным думать, что пространство и время были и будут всегда. XX век принес новое понимание и восприятие времени (четырёхмерный мир Эйнштейна). Теория относительности разрушила концепцию абсолютного времени, господствовавшую до этого в классической физике, в результате чего пространство и время обрели статус динамических сущностей. Когда перемещаются тела или действуют силы, они вызывают искривление пространства и времени, а структура пространства-времени сказывается на движении тел и действии сил. Личность же, мыслящий индивид, благодаря интеллектуальной работе сознания и памяти, способна объединить в неразрывное целое различные временные пласты, сделать время многомерным, разнонаправленным, качественно неоднородным, наполнить его конкретным содержанием. Таким образом, на основе всего вышесказанного, можно обозначить основные параметры мифологического восприятия времени: многомерность, цикличность, одномоментность прошлого, настоящего и будущего, обращенность к прошлому, антропоморфизм. Эти характеристики составляют концептуальную основу сакрального времени. В художественном тексте мифологические темпоральные представления трансформируются, поскольку миф в современной культурной парадигме не является непосредственным воспроизведением архаического мифа, но его переосмыслением и способом организации произведения.

Весьма интересной в рамках данной работы представляется концепция времени в эпосе американца Роберта Джордана «Колесо времен» (*The Wheel of Time*, 1990-2013 гг.), насчитывающей четырнадцать томов. Здесь очень ярко отразилась *циклическая модель* в ее противопоставлении мифического *sacrum* эмпирическому *profanum*. Основой мироздания в эпосе является, собственно, колесо – объект одновременно сакральный и материальный, бесконечно прядущее так называемое «кружево эпох». Колесо является воплощением времени и его вечного круговорота. Поворот колеса создает пространство: «The Wheel of Time turns, and Ages come and go, leaving memories that become legends. Legends fades to myth, and even myth is long forgotten when the Age that gave it birth comes again» [15, p. 13] / «Колесо Времени вертится, и Эпохи приходят и уходят, оставляя о себе воспоминания, которые становятся легендами. Легенды превращаются в миф, и даже миф забывается, когда Эпоха, давшая ему рождение, наступает снова» (*здесь и далее перевод автора статьи – Ю. Х.*). Идея цикличности, повторяемости и реинкарнации – ведущая в эпосе Джордана. Сам образ Колеса восходит, с одной стороны, к колесу Сансары – круговороту рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой; с другой – к мифологическим прямам – Норнам, Паркам, Мойрам, свивающим бесконечные нити человеческих судеб. Узор, который ткёт поворачивающееся Колесо, представляет собой сущность и реальность, прошлое, настоящее и будущее. Каждая спица Колеса соответствует одной из семи эпох, исчезающих в прошлом и возвращающихся с новым поворотом в будущем. Мифическое время в эпосе противостоит эмпирическому и, благодаря цикличности, сопрягается с Вечностью. Но если время циклично, и прошлое повторяется, то получается, что будущее есть ни что иное, как возобновляющееся настоящее и прошедшее. «This war has not lasted ten years, but since the beginning of time. You and I have fought a thousand battles with the turning of the Wheel, a thousand times a thousand, and we will fight until time dies and the shadow is triumphant!» [14, p. 14] / «Эта война продолжается не десятки лет, но с начала времен. Ты и я сражались в тысячах битв с каждым поворотом Колеса, тысяча раз по тысяче, и мы будем сражаться до тех пор, пока время не умрет и тень не восторжествует!».

В эпосе автор акцентирует внимание на том, что сама оппозиция сакрального и профанного времени не является абсолютной. Герои Джордана, хоть и проживают линейную жизнь в историческом времени, на самом деле представляют собой реинкарнации своих прошлых воплощений, возрождаясь в новых телах с каждым новым поворотом Колеса, и под новыми именами повторяют вечные события. Это наиболее ярко отражено в образе главного персонажа эпопеи – Возрожденного Дракона, чья жизнь и поступки едва ли не до мелочей

предсказаны его предыдущими воплощениями, и на основе его попыток изменить предначертанное строится сюжетная линия произведения. Как весьма точно говорил о подобном Гуревич: «Текущее время человеческой жизни не воспринимается как самостоятельное и самоценное, оно проецируется в мифологическое время и празднество, исполнение мифа, ритуалы восстанавливают прямое отношение с этим “первоначальным” временем, которое вместе с тем одно только и воспринимается в качестве подлинного времени. При подобном переживании времени прошлое не отделяется от настоящего» [2, с. 123]. То есть, как видим, эмпирическое время здесь, переплетеное с вечностью, так что конкретные, исторические» (для художественного пространства эпопеи) события понимаются как имеющие священный и, в определенном свете, вневременной смысл.

Циклическая модель весьма популярна в фантастической литературе, особенно в той ее разновидности, которая именуется, фэнтези. Однако же, как справедливо заметил Мелетинский, в литературном мифологизме на первый план выступает идея вечной циклической повторяемости не столько основных событий мироздания, сколько первичных мифологических прототипов под разными, масками [7, с. 8]. Гай Эврил Кей, например, в своих, Гобеленах Фьонавара (The Fionavar Tapestry, 1984-1986 гг.) во главу угла ставит миф о вечном возвращении и, круговороте времени в мироздании. Мир Фьонавара также соткан некоей персонафикацией вселенского фатума и представляет собой циклическое повторение одних и тех же ключевых событий с разными участниками, которые, тем не менее, оказываются бесконечными реинкарнациями изначальных (мифических) персонажей. Тэд Уильямс в, Ордене манускрипта» (в английском варианте, Memory, Sorrow and Thorn, 1988-1993 гг.) выводит Колесо больше как символ судьбы, неизбежного рока, в чем-то аналогичное индуистскому колесу сансары, хотя и в исключительно разрушающей своей ипостаси, а в персонажах отчетливо проступают черты мифических первопредков, ответственных за обустройство мира.

В тетралогии Дэна Симмонса, Песни Гипериона (Hyperion Cantos, 1989-1997 гг.) нашла отражение концепция **времени как маятника**. Следует отметить, что, Песни относятся к жанру *science fiction*, который многими исследователями называется, мифологией будущего, а время в произведениях этой категории само является мифом. Время в тетралогии многослойно: настоящее, прошедшее и будущее тесно сплетаются, образуя единую, причинно-следственную связь. Сама структура, Песни обусловлена парадоксом существования человека во времени и вне его, в безвременном сознании, а также обнаруженной на фоне развития астрофизики в некотором смысле двойственной природой восприятия времени. Сильные гравитационные поля искажают течение времени; энергия, в свою очередь, является источником гравитационного поля, замедляющего время. Иными словами: «С точки зрения космонавта время приобретало двойственную природу. Оно становилось и непрерывным (его собственное биологическое существование не прерывалось) и прерывным (как социальное существо он исчез из одной эпохи существования человечества и мгновенно возник в другой)» [3, с. 133]. Идея движения в тетралогии Симмонса оказывается наиболее прочно связанной с идеей времени, и заключается она в образе Шрайка, истинного, *deus ex machina*. Шрайк – существо одновременно мифическое и материальное, и, вместе с такими же полусакральными Гробницами Времени, он движется в обратном эмпирическому направлении – из будущего в прошлое. «The Ousters believed that the Time Tombs were artifacts from their future, the Shrike a weapon of redemption awaiting the proper hand to seize it» [16, p. 385] / «Бродяги верили, что Гробницы Времени были артефактами из их будущего, а Шрайк – орудие искупления, ждущее руки, достойной взять его. Изначально, представления о времени всегда в какой-то мере основаны на представлениях о пространстве, и любая ориентация во времени предполагает, тем самым, ориентацию в пространстве. Движение в пространстве было здесь лишь способом произвести движение во времени. Известно, что в конце XIX века Л. Больцман приводил математические доказательства того, что во вселенной есть области, где время движется в направлении, обратном историческому. Впоследствии появились гипотезы, согласно которым все античности – это ни что иное, как обычные частицы, движущиеся в обратном направлении времени.

Симмонс весьма вольно обращается с идеей времени в тетралогии. Здесь просматриваются, например, черты раннемифологического безвременного бытия, при котором любой объект и любое событие единомоментно существуют вместе со своими прошлыми и будущими состояниями. Внутри самих Гробниц в, Песнях время и вовсе останавливается, а некоторые персонажи присутствуют в художественной реальности, Гипериона одновременно в своем прошлом и будущем воплощениях (например, Рахиль и сам Шрайк). Так же Симмонс разделяет *sacrum* и *profanum* в художественном пространстве тетралогии, используя функцию движения: персонажи, как носители эмпирического времени, движутся из своего прошлого в будущее, Шрайк и Гробницы, как объекты сакрального характера, наоборот, из будущего в прошлое. Такое четкое размежевание времён подробно объясняется в произведении. Устами различных персонажей говорится о том, что Шрайк никто иной, как ангел возмездия, пребывающий вне времени, и что подлинное время для человечества закончилось вместе с гибелью Земли, а все, происходящее с тех пор, есть ни что иное, как ложное время.

Такая концепция встречается в фантастической литературе гораздо реже и больше характерна как раз для *science fiction* с ее мифологизацией науки. Подобные, игры со временем присутствуют, например, в трилогии С. Снегова, Люди как боги (1966-1977 гг.), где автор, обращаясь к современным ему достижениям науки, допускает возможность существования многочисленных направлений движения времени и, в конечном счете, возводит эмпирию до уровня мифа.

В романе Нила Геймана, Американские боги (American gods: a novel, 2001 г.) просматривается модель мифического времени как **вечно настоящего**. Сакральное и профанное время здесь существуют параллельно и, неподвижно связаны с пространством. Сакральное время равноценно (и то же самое!) особому пространству – материализованному *sacrum*, более того, оно статично. Если эмпирическое время человеческого

существования подчинено изменению и движению из прошлого в будущее, из эпохи в эпоху, то боги, однажды пришедшие в Новый Свет в сердцах и умах переселенцев, неподвижны и неизменны в своем застывшем сакральном настоящем. Взаимодействие этих двух пространств в романе не невозможно: *sacrum* и *profanum* одновременно и параллельны, и взаимопроникаемы. Как отмечал подобное Тодоров: , Граница между физическим и ментальным, между материей и духом, между вещью и словом перестает быть непроницаемой [10, с. 95]. Иными словами, в хорошо знакомом нам мире происходит событие, необъяснимое законами самого этого мира. Он будто бы прошел через мембрану, словно вынырнул из глубокой плотной воды – и взлетел. Сделав один только шаг, он переместился с туристической тропки на склоне горы в... Во что-то реальное. <...> Это была молния, <...> которая застыла в одном-единственном моменте времени, растянувшись на веки вечные [1, с. 563]. Боги в романе амбивалентны. С одной стороны они предстают в образе людей, живут человеческой жизнью, могут умирать; с другой, у них нет ни прошлого, ни будущего, только настоящее, вечно длящееся, сейчас. Эмпирическое время, соприкасаясь с сакральным, испытывает на себе его воздействие. Оказываясь в священном пространстве, или взаимодействуя с богами, люди застывают в безвременье вечного настоящего, выпадают из исторической линейности. Основной конфликт романа заключается в попытке Одина превратить неподвижность в цикличность с помощью последней битвы старых богов с молодыми. Ему нужен Рагнарад, нужна гибель мира, ведь основной принцип мифологии, как уже говорилось выше, заключается в том, что конец времени есть его начало, а, поскольку время циклично, то мир снова возродится после его гибели. Ведь в конце каждого цикла мирового развития время превращается в пространство.

Таким образом, литературный миф, как говорит Ковтун: , заимствует у мифа архаического особый временной пласт – так называемое *dreamtime* (*Urzeit*), “первичное”, “изначальное” сакральное время [4, с. 153]. Художественно-трансформированное мифологическое время, по преимуществу, многослойное и многомерное, – оно включает в себя различные культурно-мифологические пласты и синтезирует их. Для него важно соотношение сакрального прошлого с современностью, цикличность, повторяемость, *dreamtime* в эмпирическом, историческом времени. Одним из наиболее фундаментальных свойств времени в естественнонаучной картине мира является его необратимость, то есть принципиальное различие между прошлым и будущим, а для мифического персонажа жизнь – это не движение от рождения к смерти, а нечто постоянное, устойчивое. Мифическое прошлое в этом понимании как бы совпадает с настоящим, а личное профанное время героя заключено и подчиняется идее всеобщей цикличной сакральности. Связь времени с трагедией человеческого существования кажется очень глубокой и имеет аналогии во многих религиозных и философских системах.

Список литературы

1. Гейман Нил. Американские боги. М.: АСТ; Астрель, 2009. 637 с.
2. Гуревич А. Я. Что есть время? // Кагарлицкий Ю. И. Что такое фантастика? М.: Художественная литература, 1974. С. 121-124.
3. Кагарлицкий Ю. И. Что такое фантастика? М.: Художественная литература, 1974. 349 с.
4. Ковтун Е. Н. Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М.: Изд-во МГУ, 1999. 308 с.
5. Лем С. Философия случая. М.: АСТ, 2007. 767 с.
6. Лосев А. Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 207 с.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. 407 с.
8. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 2. 722 с.
9. Светлов Р. В. Формирование концепций времени в древнегреческой философии: автореф. дисс. ... к. филос. н. Л., 1989. 23 с.
10. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 144 с.
11. Хокинг С., Млодинов Л. Кратчайшая история времени. СПб.: Амфора, 2007. 180 с.
12. Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
13. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетея, 1998. 258 с.
14. Jordan R. The Eye of the World. N. Y., USA, 1990. 269 p.
15. Jordan R., Patterson T. The World of Robert Jordan's The Wheel of Time. N. Y., USA, 1997. 306 p.
16. Simmons D. Hyperion. Berkshire, G. B., 1989. 395 p.

MYTHICAL TIME AND ITS MODELS IN THE SPACE OF CONTEMPORARY SCIENCE FICTION LITERATURE

Khoroshevskaya Yuliya Pavlovna
Southern Federal University
armaiti@inbox.ru

In the article the author analyzes the mythical model of time in the dichotomy of sacred time / empirical time, and notes the main characteristics of temporal notions in the structure of mythological consciousness from the points of view of the leading theorists. The basic models of mythical time are considered by the material of modern foreign science fiction works.

Key words and phrases: mythical time; empirical time; dichotomy; cyclicity; sacredness; mythical reality.